

ОГОНЕК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 47 (295). 18 ноября 1928 г.

ЧЕХОВ — „ДЕКАДЕНТ“

Очерк Юр. Соболева.

В 1901 году книгоиздательством „Скорпион“ был выпущен альманах „Северные Цветы на 1901 год“. Издательство занимало „крайнюю левую“ на тогдашнем литературном фронте. „Скорпион“ пропагандировал символистов как западно-европейских, так и русских, и в широких читательских кругах наименовался не иначе, как „декадентским“. В первом же альманахе были напечатаны рассказы и стихи: З. Гиппиус, Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, А. Добролюбова, Ф. Сологуба, А. Куренского, А. Мировского, И. Копеевского, Валерия Брюсова. И несколько неожиданно — рассказ реалиста Бунина „Поздней ночью“. Но читателей ждал еще больший сюрприз: в „Северных Цветах“ появился и Чехов, с рассказом: „Ночью“.

В нашем распоряжении целый ряд рецензий из журналов и газет, отозвавшихся на альманах „Скорпион“. В этих отзывах о чеховском рассказе читаем следующие строки: „Украшением служит, конечно, рассказ А. Чехова „Ночью“ — вещь дивная по форме и глубокая по содержанию. Не знаешь, чему более удивляться — красоте ли отдельных фраз, остроумию ли всего сюжета, или бесконечному, неослабевающему творчеству этого первого из современных поэтов“ („Русский Листок“, 1901 г., № 110).

„...Миниатюрный рассказ Чехова „Ночью“... блестяще написанный, ярок, определен, силен, но... если бы скрыть имя автора, то всякий читатель был бы уверен, что рассказ переводный, и почти уверен, что он из Мопассана. В последнее время у Чехова вообще прискорбное влечение к „мопассановщине“, но все-таки никогда еще он не доходил до такого печального обезличивания... Все фальшиво“ („Неделя“, 1901 г., № 17).

„Читатель найдет прекрасный новый рассказ Чехова „Ночью“, производящий, несмотря на свои незначительные размеры, весьма сильное впечатление и напоминающий по сжатой энергии повествования и по безотрадно-мрачному настроению лучшие произведения Мопассана“ („Русский Вестник“, 1901 г., № 5).

Г-на Чехова читатели привлекли в альманахе, конечно, в качестве „знаменитого“ писателя, и он дал рассказ в две с половиной странички, по-моему, достаточно плохой и, кроме того, рассчитанный на дурные читательские инстинкты“ (Новое Время, 1901 г., № 9037, отзыв В. Буренина).

Чехов, лишь чтобы отвязаться — дал „Скорпиону“ рассказ столь невероятный и в то же время непристойный по теме, небрежный по письму, что даже странно видеть под ним подпись Антона Чехова“ („Россия“, 1901 г., № 776).

По непостижимой игре судьбы в компанию юродивых и шарлатанов попал Антон Чехов. Попав каким-то неведомым случаем к юродивым, Чехов сделался сам не свой. Его не узнаешь в этом очерке „Ночью“. Ничего из чеховских мотивов, чеховских настроений, даже чеховской манеры и стиля“ („Новости Дня“, 1901 г., № 6414).

„...Далее идет рассказ г. Чехова, едва ли предназначавшийся им для печати, как можно судить и по неудачной его форме, так и по содержанию, более чем странному. „Положение обижает“, и мы думаем, что, публикуя подобные ничемные во всех отношениях пустяковины, г. Чехов унижает себя, как писателя“ („Мир Божий“, 1901 г., № 6).

Это голоса критики, современной Чехову. Биограф А. П. Чехова — А. Измайлов, рассказывая об озлобленных выпадах против Чехова В. Буренина, приводит, как доказательство имени этой неприязни, цитату из буренинского отзыва на рассказ „Ночью“: „Очень пикантный анекдот. Что и говорить! Сам Мопассан, кажется, спасовал бы перед таким циническим фактом. Но г. Чехов идет еще дальше Мопассана: „Знай-да наших, мы россияне! Мы как начнем оплевывать человеческую при-

роду, так уж так оплюем, что мое почтение-с. И куда плевком ни попал бы, — нам все равно“. Притом же и пора ведь г. Чехову над Мопассаном превознестись: великий он у нас теперь писатель — „глава“.

Для самого же Измайлова „Ночью“ — это „жуткий рассказ уже неслучайно больного Чехова“. Измайлов, таким образом, в солидном своем труде, кстати сказать — единственной полной чеховской биографии, — заступает за Чехова. „Ночью“ — рассказ жуткий именно потому, что его писал не-



А. П. Чехов в 1902 г.

излечимо-больной Чехов. К сожалению, Измайлов в 1916 году забыл то, что сам же писал в 1901 году, давая в „Биржевых Ведомостях“ (№ 140) рецензию на скорпионовский альманах. А в этой рецензии есть строки, посвященные чеховскому рассказу, о котором сказано буквально следующее: „Рассказ „Ночью“ выписан с обычным мастерством автора, но было бы грустно, если бы он намечал новый наклон творчества талантливого художника. Это — рассказ для холостой компании, совершенно во вкусе известной категории откровенных повелел Мопассана“. Так, реабилитируя Чехова в 1916 году, Измайлов в 1901 году вполне солидаризировался с Бурениным, аттестовавшим чеховский рассказ, как „достаточно плохой и рассчитанный на дурные читательские инстинкты“!

Итак, только отзывы мало читаемых „Русского Листка“ и „Русского Вестника“ благожелательны. Во всех остальных — лейтмотивом проходит указание на „прискорбное влечение к мопассановщине“, при чем не совсем ясно, что такое „мопассановщина“. Если верить Буренину, то это тот жанр литературы, который рассчитан „на дурные читательские инстинкты“, или, говоря словами Измайлова, предназначенный „для холостой компании“.

Что же заставило критику найти в сюжете рассказа то „невероятное и в то же время непристойное“, что „унизило“ Чехова, как писателя? Рецензия „Неделя“ достаточно точно передает содержание чеховской повелли: „Два матроса (притом отец и сын) собираются смотреть в про сверленные дырки первую ночь в каюте поновобранного пастора с молодой женой; но когда пастор продает свое право банкиру, они с негодованием уходят“. Таким образом, сама тема показалась безнравственной. Отсюда все качество.

Как известно, Чехов в юности любил прибегать к литературным мистификациям. Так, на пари он написал рассказ, до такой степени передающий манеру Мавра Иокая,

что русские поклонники этого венгерского писателя долго не хотели верить, что „Цветы западные“ принадлежат... Чехову. Блестящий мастер пародии, Чехов замечательно усвоил и романтическую напыщенность В. Гюго, и неудержимую фантастику Жюль Верна, в маленьких своих рассказах не раз их пародируя. Критика скорпионовского альманаха „Северные Цветы“ была недалека от истины, когда находила, что в рассказе „Ночью“ нет „ничего из чеховских мотивов и чеховских настроений, даже чеховской манеры и стиля“. А упрек в „мопассановщине“ имел то основание, что рассказ Чехова, если проанализировать его манеру и стиль, конечно, не что иное, как опыт пародии Мопассана! Но самое замечательное в этой истории с рассказом Чехова, попавшим в компанию с произведениями „юродивых и шарлатанов“ (русская критика 90-х годов не находила иных, более удачных определений раннего русского символизма), это то, что чеховская повелля, напечатанная в скорпионовском альманахе — лишь испрошенная редакция юношеского рассказа Чехова „В море“, появившегося в журнале „Мирской толк“ в 1883 г., № 40. Кажется, один только Ив. Бунин, который заинтересовал Чехова литературными планами „декадентского“ „Скорпиона“, знал, что Чехов дал в „Северные Цветы“ свой юношеский рассказ. Кстати напомнить, что Чехов в дальнейшем остался более чем в прохладных отношениях со „Скорпионом“. Ему не понравилась манера рекламировать его участие в альманахе. „Публикует „Скорпион“ о своей книге перышливо, — жаловался он Бунину, — выставляет меня первым, и я, прочитав объявление в „Русских Ведомостях“, дал себе клятву больше уж никогда не ведатьсь ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами“.

Если характеризовать поступок Чехова, выдавшего издательству старый рассказ за новый, современным термином, то можно было бы сказать, что Чехов в данном случае „схалтурил“. И очевидно, были у него и у самого на этот счет некие угрызения совести: не потому ли и причитавшийся ему гонорар за рассказ он не оставил себе, а выслал его П. Ф. Норданову в фонд таганрогского музея? Но если Чехов и „схалтурил“, то несколько иначе, чем это делают наши современники. Сличая первоначальную редакцию рассказа с его текстом в „Северных Цветах“, вскрываешь кропотливейшую работу Чехова над исправлением стиля. Чехов не только вычеркивает целые абзацы, но и каждую почти фразу стремится сделать более сжатой, лаконичной. Редакционной правкой рассказа для „Северных Цветов“ Чехов не ограничился и внес в текст, напечатанный в полном собрании его сочинений (книга XII), еще 28 исправлений. К сожалению, нам не позволяет место проследить за этой кропотливейшей редакционной правкой вскалывающего художника. Мы приведем только один пример — работу над заключительной фразой рассказа. В первой редакции последний абзац читался так: „Старый развратник пошатнулся. Я вынес его по крутой, извилистой лестнице наверх, где уже начиналась настоящая осенняя буря“. Для „Северных Цветов“ Чехов эту фразу прокорректировал так: „Он едва стоял на ногах. Я вынес его по крутой, извилистой лестнице наверх, где уже шел настоящий осенний дождь... Но и эта редакция его не удовлетворяет: в двенадцатом томе собрания его сочинений концовка рассказа такова: „Он едва стоял на ногах. Я вынес его по крутой, извилистой лестнице наверх, где начиналась настоящая осенняя буря...“ Здесь примечательно, что в тексте последней редакции Чехов возвращается к самому раннему варианту.

Юр. Соболев.